

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2026, Том 17, № 2 / 2026, Vol. 17, Iss. 2 <https://sfk-mn.ru/issue-2-2026.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/37SCSK226.pdf>

DOI: 10.15862/37SCSK226 (<https://doi.org/10.15862/37SCSK226>)

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Ардельянова, Я. А. Восприятие коррупции городским населением России: результаты социологического исследования / Я. А. Ардельянова // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2026. — Т. 17. — № 2. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/37SCSK226.pdf>. DOI: 10.15862/37SCSK226.

For citation:

Ardelyanova Ya.A. Perception of corruption by the urban population of Russia: results of a sociological study. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2026;17(2): 37SCSK226. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/37SCSK226.pdf>. DOI: 10.15862/37SCSK226. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 316

Ардельянова Яна Андреевна

ФГБУН «Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук»,
Москва, Россия

Институт социологии

Старший научный сотрудник

Кандидат социологических наук

E-mail: ardyana@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8881-6121>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=701425

Ardelyanova Yana Andreevna

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Institute of Sociology

E-mail: ardyana@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8881-6121>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=701425

Восприятие коррупции городским населением России: результаты социологического исследования

Аннотация. В статье представлены результаты социологического изучения отношения взрослого городского населения России к коррупции. В частности, были проанализированы базовые установки восприятия коррупции, изучен уровень распространенности коррупционных практик, личный опыт респондентов и готовность к потенциальному коррупционному поведению. Эмпирическую базу составляет онлайн-опрос трудоспособных жителей 13 крупных городов ($n = 1300$), проведенный в 2024 г. Теоретическая рамка интегрирует диспозиционную концепцию личности В. А. Ядова и концепцию институционального разрыва, что позволяет объяснить диссонанс между ценностными ориентациями и ситуативными практиками. Результаты демонстрируют, что при формальном осуждении коррупции (65,4 % респондентов), значительная доля населения (46,3 %) допускает использование личных связей «в некоторых случаях», а 30,8 % не идентифицируют «блат» как коррупцию. Также была выявлена нормализация «серой» коррупции: 24 % респондентов трактуют взаимные услуги и подарки чиновникам как «личное дело», а 41,5 % толерантны к неформальным вознаграждениям за услуги. Это отражает институциональный разрыв между формальными запретами и неформальными практиками, где взятка становится инструментом преодоления бюрократических

барьеров. Также выявлен разрыв между пассивной (получение) и активной (дача) формами участия и диссонанс между декларируемыми нормами и реальным поведением. В результате исследования были выявлены наиболее коррупционно-уязвимые сферы. Анализ взаимосвязи с социально-демографическими показателями выявил следующие тенденции: молодежь (18–23 года) чаще нейтральна к коррупции, старшее поколение категоричнее в осуждении; высшее образование усиливает идентификацию «блата» как коррупции. Практические выводы исследования подчеркивают то, что укорененность коррупции как адаптационного механизма требует не только репрессивных мер, но и трансформации социальных норм, а эффективная антикоррупционная политика невозможна без преодоления двойных стандартов в общественном сознании.

Ключевые слова: коррупция; восприятие коррупции; институциональный разрыв; установки; городское население; личные связи; бытовая коррупция; диспозиционная концепция.

Perception of corruption by the urban population of Russia: results of a sociological study

Abstract. The article presents the results of a sociological study of the attitude of the adult urban population of Russia to corruption. In particular, the basic attitudes of corruption perception were analyzed, the level of prevalence of corrupt practices, the personal experience of respondents and their willingness to potential corrupt behavior were studied. The empirical basis is an online survey of able-bodied residents of 13 large cities ($n = 1300$) conducted in 2024. The theoretical framework integrates the dispositional concept of V.A.'s personality. The concept of an institutional gap is also poisonous, which makes it possible to explain the dissonance between value orientations and situational practices. The results show that while 65.4 % of respondents formally condemn corruption, a significant proportion of the population (46.3 %) allows the use of personal connections "in some cases", and 30.8 % do not identify "fraud" as corruption. Normalization of "gray" corruption was also revealed: 24 % of respondents interpret mutual services and gifts to officials as a "personal matter", and 41.5 % are tolerant of informal rewards for services. This reflects the institutional gap between formal prohibitions and informal practices, where bribery becomes a tool for overcoming bureaucratic barriers. There is also a gap between passive (receiving) and active (giving) forms of participation and a dissonance between declared norms and real behavior. As a result of the study, the most corruption-vulnerable areas were identified. The analysis of the relationship with socio-demographic indicators revealed the following trends: young people (18-23 years old) are more often neutral towards corruption, the older generation is more categorical in condemning; higher education reinforces the identification of "thug" as corruption. The practical conclusions of the study emphasize that the entrenchment of corruption as an adaptive mechanism requires not only repressive measures, but also the transformation of social norms. An effective anti-corruption policy is impossible without overcoming double standards in the public consciousness.

Keywords: corruption; perception of corruption; institutional gap; attitudes; urban population; personal connections; domestic corruption; dispositional concept.

Введение

Коррупция представляет собой многоаспектный социальный феномен, природа которого остается предметом интенсивных теоретических дискуссий. Исследователи фиксируют фундаментальное противоречие: определения коррупции обычно фокусируются на микроуровне и подчеркивают проявления агентности индивидов, тогда как предлагаемые меры противодействия преимущественно акцентируют макроуровневые институциональные и

экономические структурные факторы [1]. Это противоречие порождает потребность в многофакторных и многоуровневых исследовательских рамках, интегрирующих макро-, микро- и динамические аспекты для более целостного понимания устойчивости коррупции и возможностей ее ограничения.

Особый интерес в этом контексте представляют установки населения в отношении коррупции. Именно они опосредуют влияние институциональной среды на повседневные практики и во многом определяют как уровень толерантности к коррупционным действиям, так и эффективность антикоррупционных мер. Парадокс общественного сознания, неоднократно фиксируемый исследователями, состоит в сочетании формального осуждения коррупции с практической готовностью участвовать в ней [2; 3]. Этот феномен требует объяснения, выходящего за рамки как сугубо структурного детерминизма, так и упрощенных моделей рационального выбора.

Наиболее авторитетный международный инструмент оценки коррупции — Индекс восприятия коррупции (CPI) Transparency International — фокусируется на экспертных и предпринимательских оценках коррупции в государственном секторе¹. Однако он не учитывает непосредственное восприятие коррупции рядовыми гражданами, их личный опыт и не охватывает такие аспекты, как налоговое мошенничество, незаконные финансовые потоки или коррупцию в частном секторе. Для анализа установок населения необходимы специализированные социологические методики, чувствительные как к сознательным, так и к неосознаваемым компонентам отношения к коррупции.

Коррупция как социальное явление формируется под влиянием сложного взаимодействия культурных традиций, институциональных механизмов и индивидуальных поведенческих установок. Исследования показывают, что восприятие коррупции населением варьируется в зависимости от степени экономического развития общества, исторического контекста и эффективности антикоррупционных мер. В странах с высоким уровнем развития социальных институтов и прозрачности управления коррупция чаще воспринимается как девиантное поведение, тогда как в менее развитых обществах она может рассматриваться как неотъемлемая часть повседневных практик [4].

Культурные нормы играют ключевую роль в формировании установок населения. В некоторых обществах коррупционные практики, такие как «благодарность» за услуги или неформальные договорённости, могут восприниматься как легитимные, особенно если они исторически укоренены в системе социальных отношений. Например, в ряде стран взятки полиции или мелкие подношения чиновникам считаются нормой, что затрудняет борьбу с подобными явлениями на законодательном уровне [5]. Также в ряде стран «благодарности» врачам или учителям воспринимаются как моральный долг [6].

При этом культурные установки не являются статичными, они могут меняться под влиянием образовательных программ, медиадискурса и правового просвещения. Формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению, как это предусмотрено антикоррупционным законодательством, требует системной работы, включающей не только репрессивные меры, но и воспитание новых ценностных ориентиров.

В изучении коррупции как социального феномена требуется выделять следующие компоненты: восприятие распространенности коррупции (когнитивная оценка), которое

¹ Corruption Perceptions Index 2023. Berlin: Transparency International. URL:
<https://www.transparency.org/ro/book/IPC2023/2/> (дата обращения 01.04.2026).

формирует информационный контекст; установки (оценочные суждения), которые определяют нормативные фильтры поведения; а также практики (реальные действия), которые воспроизводят институциональные паттерны. Разрывы между данными компонентами сигнализируют о социальных дисфункциях.

В данной статье мы предлагаем интегративный подход, сочетающий диспозиционную концепцию личности В.А. Ядова [7] и концепцию институционального разрыва [8]. Диспозиционная концепция позволяет рассматривать иерархию установок личности, где высшие уровни (ценностные ориентации) могут вступать в конфликт с низшими (поведенческими готовностями) в конкретных ситуациях. Концепция институционального разрыва фиксирует диссонанс между формальными институтами (законы, процедуры) и неформальными практиками, вынуждающий индивидов адаптироваться к дисфункциям системы. Соединение этих теоретических рамок дает ключ к пониманию «рациональной толерантности» к коррупции: люди не столько одобряют коррупцию морально, сколько воспринимают ее как вынужденный инструмент решения проблем в условиях неэффективных институтов.

Исследовательские вопросы в рамках исследования были сформулированы следующим образом:

1. Как соотносятся декларируемые антикоррупционные установки и реальный опыт коррупционного поведения среди городского населения России?
2. Какие социально-демографические факторы (возраст, образование, пол) влияют на уровень толерантности к различным формам коррупции (прямые взятки, подарки, использование личных связей)?
3. В каких институциональных сферах фиксируется наибольшая готовность населения к коррупционным сделкам и как это связано с восприятием эффективности формальных институтов?

Теоретические основания и обзор литературы

Современная литература о коррупции характеризуется фрагментацией и противоречивыми выводами. Одним из ключевых теоретических напряжений является дихотомия между структурными и агентными объяснениями. Структурные подходы акцентируют внимание на макроуровневых факторах: качество институтов, экономическое развитие, политическая система [9,10]. В этой перспективе коррупция предстает как следствие институциональных дисфункций — слабости правоприменения, непрозрачности процедур, недостаточного контроля. Агентные подходы, напротив, фокусируются на микроуровне: мотивации индивидов, их рациональных калькуляциях, моральных установках и психологических характеристиках [11,12].

Как отмечают К. Мейер, Дж. Луиз и Дж. Феддерке, «структурные факторы создают возможности и ограничения, влияющие на индивидуальный выбор, но индивидуальные действия также могут формировать эти социальные структуры» [1 С. 8]. Разрешение этого противоречия возможно через признание взаимобратной связи структуры и агентности: институциональная среда задает «правила игры», но акторы обладают способностью интерпретировать эти правила, адаптироваться к ним и в долгосрочной перспективе трансформировать их через повторяющиеся практики.

Особую эвристическую ценность представляет концепция институциональных логик [13]. Коррупция может пониматься как результат конкуренции различных институциональных логик, например, формально-бюрократической (ориентированной на следование правилам) и патримониальной (ориентированной на личные связи и взаимные обязательства). Ресурсы,

вкладываемые в поддержание той или иной логики, определяют ее доминирование и, соответственно, распространенность коррупционных практик.

Для анализа постсоветских обществ особую релевантность имеет концепция институционального разрыва (institutional gap), развиваемая в работах В.Л. Римского [3] и И.М. Клямкина, Л.М. Тимофеева [8]. Это явление возникает в сложных институциональных системах, когда нарушается связь между различными элементами институтов, правилами или уровнями институциональной структуры. Это приводит к дисбалансу, неэффективности или противоречиям в функционировании системы. Институциональный разрыв порождает двойственность социальных норм: с одной стороны, заявляется необходимость следования закону, но наряду с этим функционируют неформальные коррупционные правила.

Коррупция в этой перспективе является не только отклонением от нормы (девиацией), но и «латентным искусством управления» [14]. Суть его заключается в обеспечении функционирования социальных систем в условиях, когда формальные процедуры не работают либо работают неэффективно. Институциональный разрыв объясняет, почему люди, искренне осуждающие коррупцию, в конкретных ситуациях прибегают к ней. Это происходит по причине того, что сложные и длительные бюрократические процедуры формируют установки: «взятка как инструмент экономии времени», «со взяткой проще все решить».

Эмпирические исследования коррупционных установок

Международные сравнительные исследования фиксируют значительные вариации в восприятии коррупции. Данные Международного исследования ценностей (World Values Survey) показывают, что в странах с высоким уровнем институционального развития коррупция чаще воспринимается как неприемлемая девиация, тогда как в обществах с доминированием неформальных практик она может рассматриваться как нормальная составляющая повседневных взаимодействий [15].

В российском контексте исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) последовательно фиксируют парадокс общественного сознания. Согласно данным ВЦИОМ, индекс борьбы с коррупцией вышел из отрицательных значений (с -12 в 2016 до +17 в 2018), однако 24 % россиян считали коррупцию распространенной во всех сферах, а наиболее коррумпированными называли медицину (23 %), ГИБДД и полицию (по 16 %) ². По данным ФОМ, 35 % опрошенных отмечали рост коррупции, 20 % — снижение ³. При этом сохраняется значительная зона «серой коррупции»: 24 % респондентов оправдывали взаимные услуги и подарки чиновникам как «личное дело», 46,3 % допускали использование связей «в некоторых случаях», а 30,8 % не считали «блат» коррупцией.

Исследования психологических факторов коррупционного поведения показывают, что ведущими мотивами выступают ориентация на внешнее одобрение, низкий уровень самоконтроля, негативное самоотношение и импульсивность [16]. Однако эти индивидуально-психологические характеристики реализуются только в определенном институциональном контексте, создающем возможности и ограничения для их проявления.

² ВЦИОМ. 2018. Мониторинг отношения россиян к коррупции. URL:<http://wciom.ru> (дата обращения: 04.04.2026).

³ ФОМ. 2024. О коррупции в России: опрос населения. URL:<http://fom.ru> (дата обращения: 05.04.2026).

Особое внимание уделяется молодежи как группе риска. Высокая социально-экономическая активность (поступление в вузы, трудоустройство, обращение в медицинские учреждения) увеличивает вероятность вовлечения в коррупционные практики, при этом ценностная система молодежи находится в стадии формирования и более подвержена влиянию ситуативных факторов [2].

А.С. Ваторопин с коллегами [17], анализируя данные опроса в Свердловской области ($n = 600$), показывают, что 5,9 % респондентов имели прямой опыт коррупционных ситуаций, при этом только каждый пятый уверенно идентифицировал ситуацию как коррупционную. Наиболее часто коррупционные ситуации были связаны с деятельностью дошкольных учреждений (18,5 %), социальными выплатами (14,8 %) и жилищно-коммунальным хозяйством (ЖКХ) (11,8 %). Большинство респондентов (53,2 %) осуждали обе стороны коррупционных транзакций, однако каждый десятый отказывался осуждать участников бытовой коррупции.

Исследование в Вологодской области [18] выявило, что наиболее подверженными коррупции воспринимаются органы власти и система здравоохранения. Позитивные оценки политической и экономической ситуации коррелировали с неизменным или снизившимся восприятием уровня коррупции.

Особую проблему представляет нормализация так называемой «серой коррупции», к которой относятся ритуальное дарение подарков, взаимные услуги. Эти практики воспринимаются значительной частью общества как «личное дело каждого». Подобное восприятие создает противоречие между официальным антикоррупционным дискурсом и реальными социальными нормами, что осложняет борьбу с коррупцией. Исследования показывают, что подобные формы взаимодействия часто не идентифицируются как коррупционные, что способствует их воспроизводству в повседневной жизни [19].

Методологические и эмпирические основания исследования

Эмпирической основой исследования выступают материалы онлайн-опроса городского трудоспособного населения в возрасте от 18 до 60 лет, проведенного сотрудниками сектора социологии девиантного поведения Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИС ФНИСЦ РАН) в марте-мае 2024 г. Использована многоступенчатая квотная выборка, репрезентирующая население 13 крупных городов России: Москва, Санкт-Петербург, Калининград, Омск, Челябинск, Воронеж, Сыктывкар, Архангельск, Краснодар, Казань, Екатеринбург, Тюмень, Пермь. Общий объем выборки составил 1300 респондентов⁴.

Отбор респондентов осуществлялся по квотам, соответствующим распределению генеральной совокупности по полу, возрасту и уровню образования в каждом городе (на основе данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат)). Онлайн-формат опроса обеспечивал анонимность, что критически важно при исследовании чувствительных тем. Все респонденты давали информированное согласие на участие в исследовании перед началом опроса.

Анкета включала блоки вопросов, направленных на измерение:

1. восприятия коррупции (оценка распространенности, вероятность стать жертвой, личный опыт);

⁴Онлайн опрос осуществлен совместно с компанией OMI (Online Market Intelligence) — российской IT-компанией, предоставляющей комплексные решения для онлайн исследований.

2. установок в отношении различных форм коррупции (прямые взятки, подарки за услуги, использование личных связей);
3. готовности к коррупционному поведению в различных институциональных сферах;
4. социально-демографических характеристик (пол, возраст, образование, доход, профессиональный статус).

Вопросы формулировались максимально конкретно для снижения эффекта социальной желательности. Например, установки в отношении личных связей измерялись через вопрос: «Как Вы оцениваете поступок "решение своих проблем посредством использования личных связей («блат»)"?» с вариантами ответов: «это недопустимо ни при каких обстоятельствах», «в некоторых случаях это допустимо», «это личное дело каждого, я не осуждаю», «затрудняюсь ответить».

Помимо описательной статистики, применялись критерий χ^2 (хи-квадрат) для выявления значимости связей между категориальными переменными и коэффициент сопряженности Крамера (V) для оценки силы выявленных связей. Обработка данных производилась в программе SPSS версия 26.

Методологически опрос опирался на диспозиционную концепцию личности В.А. Ядова [7], в которой система диспозиций (установок) личности формирует иерархию регуляторов поведения, где высшие уровни (ценности, идеалы) определяют реакцию на конкретные ситуации. С опорой на данную концепцию будет объясняться иерархия установок, конфликт уровней, в частности диссонанс между абстрактным осуждением коррупции и практической готовностью участвовать в ней. Диспозиционная концепция личности В.А. Ядова [7] предлагает модель иерархической регуляции социального поведения, которая позволяет операционализировать противоречия между разными уровнями установок. Согласно этой концепции, система диспозиций включает:

1. элементарные фиксированные установки (низший уровень) — реакции на конкретные предметные ситуации;
2. социальные фиксированные установки (аттитюды) — оценки отдельных социальных объектов и явлений;
3. базовые социальные установки — обобщенные ориентации относительно значимых сфер деятельности;
4. ценностные ориентации (высший уровень) — общие принципы отношения к миру, жизни, себе.

Конфликт между уровнями возникает тогда, когда ценностное осуждение коррупции вступает в противоречие с ситуативной целесообразностью («иначе вопрос не решить»). В терминах В.А. Ядова это конфликт между высшими диспозициями, сформированными в процессе социализации и под влиянием официального дискурса, и низшими, формируемыми непосредственным опытом взаимодействия с институтами.

Кроме того, в рамках исследования мы опирались на концепцию институционального разрыва [8]. Согласно данной концепции, коррупция возникает из-за диссонанса между формальными институтами (законы) и неформальными практиками. Установки населения формируются в условиях этого противоречия, что объясняет толерантность к коррупции как «латентному искусству управления». В частности, данной концепцией можно объяснить двойственность норм. Разрыв между формальным правилом и неформальными практиками (культурными традициями) формирует установку «коррупция незаконна, но необходима». Также данная концепция позволяет выявлять неэффективность институтов, например,

длительные бюрократические процедуры приводят к формированию установки «взятка является инструментом экономии времени». Таким образом, данная методология может быть применена для выявления разрывов и измерения толерантности.

Результаты

Восприятие коррупции и личный опыт

Результаты опроса демонстрируют двойственную ситуацию восприятия населением проблемы коррупции. Почти половина респондентов (47,8 %) оценивают вероятность стать жертвой коррупционных преступлений как высокую или очень высокую. При этом 45 % считают такую вероятность маловероятной или практически невероятной, что указывает на поляризацию оценок.

Личный опыт столкновения с коррупцией распределяется следующим образом:

- 8,4 % опрошенных лично сталкивались со случаями коррупции;
- у 9,8 % родственники имели такой опыт;
- 17,8 % знают о случаях коррупции от знакомых;
- 62,4 % не сталкивались с коррупцией ни лично, ни через близких.

Разрыв между высокой оценкой вероятности стать жертвой и относительно невысокой долей личного опыта может объясняться как влиянием медийного дискурса, формирующего общий фон восприятия, так и нежеланием респондентов идентифицировать некоторые практики как коррупционные.

Установки в отношении различных форм коррупции

Анализ установок выявляет дифференциацию в зависимости от формы коррупционного действия. Наиболее категоричное отношение фиксируется к прямым взяткам: 36,6 % респондентов демонстрируют безусловно негативную установку, 33,8 % относятся толерантно, 21,7 % считают это «личным делом».

Значительно более толерантным оказывается отношение к получению неформального вознаграждения или подарков за оказанную услугу: 41,5 % придерживаются толерантной позиции, 29,2 % считают это личным делом, и только 16,5 % категорически осуждают такую практику.

Наибольшая амбивалентность фиксируется в отношении использования личных связей («блата»). Лишь 18,8 % респондентов занимают жесткую позицию («нельзя ни при каких обстоятельствах»). Доминирует ситуативная терпимость: 46,3 % считают использование связей допустимым «в некоторых случаях». Еще 24,7 % занимают нейтральную позицию («личное дело»). Таким образом, 71 % опрошенных либо оправдывают использование связей, либо относятся к нему нейтрально.

Таблица 1. Установки в отношении различных форм коррупции, %

Форма коррупции	Категорически осуждаю	Допустимо в некоторых случаях	Личное дело	Затрудняюсь ответить
-----------------	-----------------------	-------------------------------	-------------	----------------------

Прямая взятка должностному лицу	36,6	33,8	21,7	7,9
Получение подарка за услугу	16,5	41,5	29,2	12,8
Использован ие личных связей	18,8	46,3	24,7	10,2

**Источник: разработано автором по результатам опроса 2024 г. (N = 1300).*

Как видно из данных, представленных в таблице 1, наиболее категоричное отношение респонденты демонстрируют к прямым взяткам, тогда как использование личных связей вызывает наименьшее осуждение.

Особого внимания заслуживает вопрос о том, считают ли респонденты использование личных связей формой коррупции. Только 11,7 % уверенно идентифицируют «блат» как коррупцию. Частично признают коррупционную природу личных связей 44,8 %, тогда как 30,8 % полностью отрицают связь между «блатом» и коррупцией. Затруднились с ответом 12,8 %.

Эти данные свидетельствуют о концептуальной неопределенности границ коррупции в массовом сознании. Практики, основанные на личных связях, воспринимаются как отдельный феномен, не тождественный взятке, и часто морально санкционируются как форма взаимопомощи или «нормальных» человеческих отношений.

Отношение к коррупции: декларации и практики

Результаты опроса показали, что 65,4 % респондентов категорически отрицательно относятся к коррупции. Однако это осуждение противоречит данным о готовности участвовать в коррупционных сделках.

Значительная доля респондентов (17,9 %) допускает коррупцию как вынужденную меру, 10,1 % занимают нейтральную позицию, и лишь 1,9 % открыто признают коррупцию нормой. Таким образом, при доминировании негативного отношения к коррупции среди респондентов сохраняется значительная доля тех, кто оправдывает ее или занимает нейтральную позицию. Данный факт указывает на наличие «двойных стандартов»: публичное неприятие сопряжено с личной готовностью использовать коррупционные механизмы.

Личный опыт коррупционного поведения

Анализ личного опыта респондентов показывает, что с практикой вымогательства взятки сталкивались 20 % (11,5 % — 1–2 раза, 8,7 % — несколько раз, 2,8 % — многократно). При этом 69,4 % никогда не сталкивались с вымогательством.

Значительно выше доля тех, кто признает факт дачи взятки или подарка за услугу — 31,9 % (61,8 % никогда не давали). Разрыв между показателями вымогательства (20 %) и дачи взяток (31,9 %) может объясняться несколькими факторами: добровольным характером «благодарностей» даже при отсутствии прямого вымогательства, страхом признавать факт вымогательства, а также размытостью границ между взяткой и подарком в сознании респондентов.

Мотивация коррупционного поведения распределяется следующим образом:

- 80 % респондентов отрицают получение взяток (что соответствует общему уровню декларативного неприятия);
- 4,5 % давали взятку для экономии времени и усилий (инструментальная мотивация);
- 4,4 % — чтобы не обидеть других людей (социально-нормативная мотивация);
- 3,3 % — для дополнительного заработка (материальная мотивация);
- 2,0 % — потому что «так принято» (нормативная мотивация).

Готовность к коррупционному поведению по сферам

Исследование позволило построить рейтинг сфер по уровню готовности населения к коррупционным сделкам. Данные представлены в таблице 2.

Таблица 2. Готовность дать взятку в различных институциональных сферах, %

Сфера	Готовность дать взятку
Общение с сотрудниками ГИБДД, ДПС	45,0
Проблемы с правоохранительными органами	42,8
Решение проблем в суде	39,7
Вопросы здоровья (медицина)	39,0
Устройство в образовательное учреждение	35,5
Решение проблем в образовательном учреждении	34,4
Учреждения исполнения наказания	28,4
Налоговые службы	21,5
Жилищно-коммунальная сфера	20,3
Организационные вопросы отдыха	13,0

**Источник: разработано автором по результатам опроса 2024 г. (N = 1300).*

Данные таблицы 2 показывают, что наиболее высокие показатели коррупционной готовности фиксируются в сферах с высокой степенью бюрократизации, значительной дискрецией (возможностью субъективных решений) и высокой значимостью для граждан: ГИБДД, правоохранительные органы, суды, здравоохранение, образование. Эти области воспринимаются как наиболее коррумпированные и одновременно вызывают наибольшую готовность населения идти на коррупционные сделки. Полученные результаты можно

объяснить институциональными факторами. Наибольшая коррупционная готовность наблюдается в сферах с высокой степенью бюрократизации и возможностью принятия субъективных решений, а также в наиболее значимых для граждан сферах. Полученные данные также подтверждают высокую терпимость к бытовой коррупции. Также наблюдается четкая иерархия коррупционных рисков по сферам. Эти данные согласуются с результатами других исследований ФОМ и ВЦИОМ и указывают на кризис доверия к ключевым государственным институтам.

Факторы толерантности к коррупции: многомерный анализ

В ходе исследования были выявлены факторы, которые влияют на готовность к коррупционному поведению. В результате регрессионного анализа были получены следующие выводы.

Возраст является значимым фактором. Наблюдаются следующие тенденции: чем старше респонденты, тем они более категорично отрицательно воспринимают коррупцию. Также люди старше среднего возраста считают использование личных связей видом коррупции. Отношение к коррупции как норме жизни скорее характерно для людей молодого возраста 24–39 лет. Чаще всего нейтрально относятся к коррупции респонденты 18–23 лет.

Также была выявлена взаимосвязь между уровнем образования респондентов и их отношением к коррупции. Наблюдается следующая тенденция: респонденты с более высоким уровнем образования скорее негативно оценивают коррупцию. Респонденты, имеющие среднее общее образование, чаще других считают коррупцию нормой жизни. Нейтральное отношение доминирует в группах у людей с неоконченным школьным образованием, а также у людей со средним специальным. Для лиц со средним специальным образованием эффект не достигает статистической значимости.

Аналогично была выявлена взаимосвязь (с низким уровнем силы) между уровнем образования и восприятием использования личных связей как вида коррупции. Чем выше уровень образования, тем респондент скорее склонен воспринимать использование личных связей как коррупцию.

Еще одним фактором, влияющим на готовность к коррупционному поведению, является пол респондентов. Мужчины демонстрируют несколько более высокую готовность к коррупционному поведению, чем женщины.

Личный опыт вымогательства — наиболее сильный фактор: те, кто сталкивался с вымогательством, имеют более высокие шансы быть готовыми к даче взятки. Это подтверждает гипотезу о том, что негативный опыт не формирует отторжения коррупции, а, напротив, нормализует ее как способ взаимодействия с институтами.

Восприятие распространенности коррупции как высокой также повышает готовность к участию в ней, что согласуется с теорией нормативного давления: если «все так делают», индивидуальные моральные барьеры снижаются.

Дискуссия

В ответах на открытый вопрос о том, как изменились формы коррупции за последнее время, респонденты отмечали: «появление новых способов передачи денег (криптовалюта, электронные переводы)», «рост сумм взяток», «большую открытость коррупционных сделок при одновременном повышении осторожности участников», «институционализацию коррупции как "само собой разумеющегося" явления». Полученные данные указывают на адаптацию коррупционных практик к технологическим изменениям и их дальнейшую рутинизацию.

Данные исследования подтверждают фиксируемый ранее парадокс: высокий уровень декларативного осуждения коррупции сочетается со значительной толерантностью к отдельным ее проявлениям, особенно связанным с использованием личных связей и неформальными вознаграждениями. Это соответствует выводам ВЦИОМ и ФОМ о двойственности общественного сознания в отношении коррупции и согласуется с международными исследованиями, показывающими, что в странах с переходными институтами границы между легальными и нелегальными практиками часто размыты [14,15].

Интерпретация этого феномена в рамках диспозиционной концепции В.А. Ядова позволяет рассматривать его как конфликт между высшими диспозициями (ценностное осуждение, сформированное официальным дискурсом) и низшими (ситуативные установки, порожденные практическим опытом взаимодействия с институтами). Концепция институционального разрыва добавляет важное объяснение: люди адаптируются к дисфункциям системы, и коррупция становится «рациональной» стратегией в условиях, когда формальные процедуры не гарантируют результата.

Отдельно стоит проанализировать выявленные возрастные различия. Молодежь 18–23 лет демонстрирует более нейтральное отношение к коррупции и более высокую готовность к участию в ней, что подтверждает выводы других исследований [2] о молодежи как группе риска. Однако интересно, что в отношении использования личных связей респонденты младшего возраста оказались более категоричны, чем старшего. Это может объясняться как меньшим жизненным опытом, так и более сильным воздействием формального антикоррупционного дискурса в школе и вузе.

Влияние образования также неоднозначно. С одной стороны, высшее образование у респондента повышает вероятность восприятия использования личных связей как формы коррупции и снижает готовность к прямым взяткам. С другой стороны, эффект влияния образования относительно невелик (слабые связи по критерию Крамера).

Выявленный рейтинг сфер по уровню готовности респондента участвовать в коррупционных практиках (ГИБДД, правоохранительные органы, суды, здравоохранение, образование) совпадает с данными других исследований (ВЦИОМ, ФОМ) и указывает на системный характер проблемы. Эти сферы объединяет высокая степень бюрократизации и высокая значимость для граждан. Важно, что наиболее высокие показатели готовности дать взятку фиксируются именно в тех сферах, где граждане наиболее уязвимы и где от решения чиновника зависит их благополучие (здоровье, свобода, имущество).

Особого внимания заслуживает феномен «серой коррупции» — подарков, благодарностей, взаимных услуг. Почти треть респондентов не считает использование личных связей коррупцией, что указывает на нормализацию этих практик. Это создает серьезные сложности для антикоррупционной политики, поскольку формально-правовые запреты вступают в противоречие с укорененными социальными нормами.

Результаты исследования вносят вклад в дискуссию о соотношении структуры и агентности в объяснении коррупции. Данные подтверждают, что коррупционные установки формируются на пересечении институциональных условий (структура) и индивидуальных характеристик (агентность). Институциональный разрыв создает условия, в которых коррупция становится адаптивной стратегией, но конкретные формы ее реализации и степень готовности к ней варьируют в зависимости от возраста, образования и опыта.

Важным теоретическим выводом является необходимость рассматривать коррупцию не как единый феномен, а как спектр практик, по-разному воспринимаемых и оцениваемых населением. Прямые взятки, подарки за услуги и использование личных связей занимают

разные позиции на шкале легитимности, и их объединение под общим понятием «коррупция» в массовом сознании не происходит.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить сложную и неоднозначную картину восприятия коррупции российским обществом. Результаты демонстрируют парадоксальное сочетание декларативного неприятия коррупции с высокой толерантностью к ее отдельным проявлениям, что свидетельствует о глубокой укорененности коррупционных практик в социальных отношениях.

Во-первых, установки городского населения России в отношении коррупции характеризуются глубокой амбивалентностью. При доминировании декларативного неприятия коррупции (65,4 %) фиксируется высокая толерантность к отдельным ее формам, особенно к использованию личных связей и неформальным вознаграждениям. Почти треть респондентов не идентифицирует «блат» как коррупцию, а 46,3 % допускают его использование «в некоторых случаях». Это подтверждает наличие институционального разрыва между формальными нормами и реальными практиками.

Полученные результаты позволили выделить три группы мотивов участия в коррупции: инструментальные (экономия времени и усилий), социально-нормативные (боязнь обидеть) и материальные (дополнительный заработок).

Были выявлены значимые социально-демографические факторы, влияющие на уровень толерантности к коррупции. Молодежь 18–23 лет демонстрирует более высокую готовность к коррупционному поведению, что указывает на необходимость целенаправленной работы с этой возрастной группой. Высшее образование связано с более четкой идентификацией коррупции и меньшей готовностью к прямым взяткам, однако эффект образования относительно невелик.

Наиболее высокие показатели готовности респондентов участвовать в коррупционных практиках фиксируются в сферах, где граждане наиболее уязвимы и где формальные процедуры непрозрачны или неэффективны: ГИБДД, правоохранительные органы, суды, здравоохранение, образование. Это указывает на системный характер проблемы и недостаточность репрессивных мер без трансформации институциональной среды.

Ключевым фактором, повышающим готовность к коррупции, является личный опыт вымогательства: столкнувшиеся с ним имеют более высокие шансы быть готовыми к даче взятки. Это свидетельствует о том, что негативный опыт не формирует отторжения коррупции, а, напротив, нормализует ее как способ взаимодействия с институтами.

Можно сделать вывод о том, что коррупция сохраняется как адаптационный механизм в условиях бюрократических барьеров и слабых институтов. При этом «серая зона» (подарки, взаимные услуги) не воспринимается как нарушение закона, а встраивается в повседневные практики.

Результаты исследования показывают, что российское общество находится в процессе переосмысления традиционных неформальных практик. Хотя большинство респондентов в той или иной степени признает коррупционную природу «блата», значительная часть населения либо отрицает эту связь, либо не имеет четкой позиции. Это создает сложности для антикоррупционной борьбы, но одновременно указывает на потенциал для изменения социальных норм через системную работу с общественным сознанием.

Исследование подтвердило, что борьба с коррупцией требует не только репрессивных мер, но и трансформации общественных установок, которые сегодня остаются амбивалентными. Дальнейшие исследования могли бы углубить анализ региональных различий и роли цифровизации в изменении коррупционных практик.

Можно сформулировать следующие рекомендации для антикоррупционной политики. Необходимо снижение бюрократических барьеров в сферах с высоким коррупционным риском (ГИБДД, суды, медицина, образование). В том числе необходимо минимизировать ситуации, вынуждающие граждан искать неформальные решения. Актуальным является развитие механизмов защиты от вымогательства, включая удобные каналы сообщения о коррупционных практиках. Также представляется необходимой целенаправленная работа с молодежью, включающая не только формальное правовое просвещение, но и обсуждение конкретных дилемм, связанных с использованием личных связей и «благодарностей». Кроме того, необходимо четкое законодательное разграничение взятки и подарка с учетом культурных традиций, постепенное сужение зоны «серой коррупции» и формирование антикоррупционной культуры через образовательные программы и медиа. При этом акцент должен ставиться на размытие границ между «благодарностью» и взяткой, а также на коллективные издержки коррупции.

Список литературы

1. Meyer K.Z., Luiz J.M., Fedderke J.W. Corruption dynamics: Integrating structure, agency and institutional logics across contexts // International Journal of Management Reviews. 2025. Vol. 27. No. 1. P. 45–68. DOI: 10.1111/ijmr.12403
2. Журавлев А.Л., Китова Д.А. Отношение молодежи к коррупции как проявление экономического менталитета россиян // Психология и право. 2022. № 12(2). С. 178–193. DOI: 10.17759/psylaw.2022120213. EDN: NXIXBF
3. Римский В.Л. Бюрократия, клиентелизм и коррупция в России / В.Л. Римский // Полития. 2007. №1 (44) с.60-68 PURL: <https://cyberleninka.ru/article/n/byurokratiya-klientelizm-i-korruptsiya-v-rossii> (дата обращения: 17.06.2026).
4. Чечулин К.В. Кросс-культурные исследования в сфере профилактики коррупции: сравнение подходов различных стран // Молодой ученый. 2024. № 51 (550). С. 651–653. URL: <http://moluch.ru/archive/550/120686> (дата обращения: 06.09.2026) EDN: QWLORW
5. Scott J.C. Comparative political corruption. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1972. URL: <https://archive.org/details/comparativepolit0000scot/page/n183/mode/2up> (дата обращения: 17.06.2026).
6. Mungiu-Pippidi A. The Quest for Good Governance: How Societies Develop Control of Corruption. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. DOI: 10.1017/CBO9781316286937
7. Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е изд. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=2754> (дата обращения 17.06.2016).
8. Клямкин И.М., Тимофеев Л.М. Теневой образ жизни (Социологический автопортрет постсоветского общества)// Полис. Политические исследования. 2000. № 4. С. 19-37; № 5 С. 121-132. DOI: 10.1007/BF02698877.
9. Rose-Ackerman S., Palifka B.J. Corruption and Government: Causes, Consequences, and Reform. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. DOI: 10.1017/CBO9781139962933
10. Treisman D. What Have We Learned About the Causes of Corruption from Ten Years of Cross-National Empirical Research? // Annual Review of Political Science. 2007. Vol. 10. P. 211–244. DOI: 10.1146/annurev.polisci.10.081205.095418

11. Köbis N.C., van Prooijen J.W., Righetti F., van Lange P.A. 'Who Doesn't?' – The Impact of Descriptive Norms on Corruption // PLoS ONE. 2015. Vol. 10. No. 6. e0131830. DOI: 10.1371/journal.pone.0131830
12. Tanner C., Linder S., Sohn M. Does moral commitment predict resistance to corruption? // PLoS ONE. 2022. Vol. 17. No. 1. e0262201. DOI: 10.1371/journal.pone.0262201
13. Thornton P.H., Ocasio W., Lounsbury M. The Institutional Logics Perspective: A New Approach to Culture, Structure, and Process. Oxford: Oxford University Press, 2012. DOI: 10.3917/mana.155.0583.
14. Ledeneva A. Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. DOI: 10.1017/CBO9780511978494
15. Uslaner E.M. The Historical Roots of Corruption: Mass Education, Economic Inequality, and State Capacity. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. DOI: 10.5129/001041516817037736
16. Гилинский Я. И. Девиантология социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других "отклонений" / Яков Гилинский; Санкт-Петербургский Центр девиантологии. 4-е изд., испр., и доп.. Санкт-Петербург, [Москва]: Алетейя, Независимый альянс, 2021. 596. URL: <https://www.directmedia.ru/book-615764-deviantologiya/> (дата обращения 17.06.2026).
17. Ваторопин А.С., Чевтаева Н.Г., Ваторопин С.А. Отношение россиян к бытовой коррупции (на примере Свердловской области) // Социологические исследования. 2025. № 4. С. 135–139. DOI: 10.7868/S3034601025040127 EDN: CXSRUF
18. Устинова К.А., Гордиевская А.Н. Коррупционный фактор через призму социально-демографических аспектов: политический и экономический контекст // Russian Journal of Economics and Law. 2024. Т. 18. № 2. С. 481–499. DOI: 10.21202/2782-2923.2024.2.481-499 EDN: UBRGMU
19. Павроз А. В. Противоречия восприятия коррупции населением России и ее презентации в официальном дискурсе // Социум и власть. 2021. № 1 (87). С. 7–21. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-1-07-21. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-1-07-21 EDN: OFMPIJ

References

1. Meyer, K.Z., Luiz, J.M., Fedderke, J.W. Corruption dynamics: Integrating structure, agency and institutional logics across contexts // International Journal of Management Reviews. 2025. Vol. 27. No. 1. P. 45–68. DOI: 10.1111/ijmr.12403.
2. Zhuravlev, A.L., Kitova, D.A. Otnoshenie molodezhi k korruptsii kak proyavlenie ekonomicheskogo mentaliteta rossiyan [Attitude of Youth to Corruption as a Manifestation of the Economic Mentality of Russians] // Psikhologiya i pravo. 2022. No. 12(2). P. 178–193. DOI: 10.17759/psylaw.2022120213. EDN: NXIXBF
3. Rimskiy, V.L. Byurokratiya, klientelizm i korruptsiya v Rossii [Bureaucracy, Clientelism and Corruption in Russia] // Politika. 2007. No. 1 (44). P. 60–68. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/byurokratiya-klientelizm-i-korruptsiya-v-rossii> (accessed 17/06/2026).
4. Chechulin, K.V. Kross-kul'turnye issledovaniya v sfere profilaktiki korruptsii: sravnenie podkhodov razlichnykh stran [Cross-Cultural Studies in the Field of Corruption Prevention: comparison of approaches of different countries]

Comparison of Approaches of Different Countries] // *Molodoy uchenyy*. 2024. No. 51 (550). P. 651–653. URL: <http://moluch.ru/archive/550/120686> (accessed: 05.06.2026). EDN: QWLORW

5. Scott, J.C. *Comparative political corruption*. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1972. URL: <https://archive.org/details/comparativepolit0000scot/page/n183/mode/2up> (accessed 17/06/2026).

6. Mungiu-Pippidi, A. *The Quest for Good Governance: How Societies Develop Control of Corruption*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. DOI: 10.1017/CBO9781316286937

7. Yadov, V.A. *Samoregulyatsiya i prognozirovanie sotsial'nogo povedeniya lichnosti: Dispozitsionnaya kontseptsiya [Self-Regulation and Prediction of Social Behavior of the Individual: Dispositional Concept]*. 2nd ed. Moscow: TsSPiM, 2013. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=2754> (accessed 17/06/2026).

8. Klyamkin I.M., Timofeyev L.M. *Tenevoy obraz zhizni (Sotsiologicheskiy avtoportret postsovetskogo obshchestva) [The Shadow Way of Life (A Sociological Self-Portrait of Post-Soviet Society)]* // *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2000. No. 4. P. 19–37; No. 5. P. 121–132. DOI: 10.1007/BF02698877.

9. Rose-Ackerman, S., Palifka, B.J. *Corruption and Government: Causes, Consequences, and Reform*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. DOI: 10.1017/CBO9781139962933

10. Treisman, D. What Have We Learned About the Causes of Corruption from Ten Years of Cross-National Empirical Research? // *Annual Review of Political Science*. 2007. Vol. 10. P. 211–244. DOI: 10.1146/annurev.polisci.10.081205.095418

11. Köbis, N.C., van Prooijen, J.W., Righetti, F., van Lange, P.A. 'Who Doesn't?' – The Impact of Descriptive Norms on Corruption // *PLoS ONE*. 2015. Vol. 10. No. 6. e0131830. DOI: 10.1371/journal.pone.0131830.

12. Tanner, C., Linder, S., Sohn, M. Does moral commitment predict resistance to corruption? // *PLoS ONE*. 2022. Vol. 17. No. 1. e0262201. DOI: 10.1371/journal.pone.0262201.

13. Thornton, P.H., Ocasio, W., Lounsbury, M. *The Institutional Logics Perspective: A New Approach to Culture, Structure, and Process*. Oxford: Oxford University Press, 2012. DOI: 10.3917/mana.155.0583

14. Ledeneva, A. *Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. DOI:10.1017/CBO9780511978494

15. Uslaner, E.M. *The Historical Roots of Corruption: Mass Education, Economic Inequality, and State Capacity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. DOI:10.5129/001041516817037736

16. Gilinskiy, Ya.I. *Deviantologiya: sotsiologiya prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubiystv i drugikh otkloneniy [Deviantology: Sociology of Crime, Drug Addiction, Prostitution, Suicide and Other Deviations]*. Sankt-Peterburgskii Tsentr deviantologii. 4-e izd., ispr. i dop. Sankt-Peterburg, [Moskva]: Aleteiia, Nezavisimyi al'ians, 2021. 596. URL: <https://www.directmedia.ru/book-615764-deviantologiya/> (accessed 17/06/2026).

17. Vatoropin, A.S., Chevtaeva, N.G., Vatoropin, S.A. *Otnoshenie rossiyan k bytovoy korruptsii (na primere Sverdlovskoy oblasti) [The Attitude of Russians Towards Petty Corruption (the Case of Sverdlovsk Region)]* // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2025. No. 4. P. 135–139. DOI: 10.7868/S3034601025040127. EDN: CXSRUF

18. Ustinova, K.A., Gordievskaya, A.N. Korruptsionnyy faktor cherez prizmu sotsial'no-demograficheskikh aspektov: politicheskiy i ekonomicheskiy kontekst [Corruption Factor through the Prism of Social-Demographic Aspects: Political and Economic Context] // Russian Journal of Economics and Law. 2024. Vol. 18. No. 2. P. 481–499. DOI: 10.21202/2782-2923.2024.2.481-499. EDN: JEXFCI

19. Pavroz A.V. Protivorechiya vospriyatiya korruptsii naseleniyem Rossii i yeye prezentatsii v ofitsial'nom diskurse // Sotsium i vlast'. – 2021. – No. 1 (87). – P. 7–21. – DOI: 10.22394/1996-0522-2021-1-07-21. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-1-07-21 EDN: OFMPIJ